

Яжелбицы

В ноябре 1826 года, вернувшись в Михайловское, А.С.Пушкин пишет письмо в Москву, своему другу: «**Мой милый Соболевский – я снова в моей избе. Восемь дней был в дороге, сломал два колеса и приехал на перекладных...»**

Далее Александр Сергеевич дает другу «инструкцию», без упоминания о которой уже ни одно путешествие по трассе Москва – Петербург не мыслимо: «**...Во-первых, запасись вином, ибо порядочного нигде не найдешь. Потом (на голос: "Жил да был петух индейский")**

*У Гальяни иль Кольони
Закажи себе в Твери
С пармазоном макарони,
Да яичницу свари.
На досуге отобедай
У Пожарского в Торжке,
Жареных котлет отведай (именно котлет)
И отправься налегке.
Как до Яжельбиц дотащит
Колымагу мужичок,
То-то друг мой растарачит
Сладострастный свой глазок!
Поднесут тебе форели!
Тотчас их варить вели,
Как увидишь: посинели,
Влей в уху стакан шабли.
Чтоб уха была по сердцу,
Можно будет в кипяток
Положить немного перцу,
Луку маленький кусок...*

Яжелбицы – первая станция после Валдая. – В Валдае спроси, есть ли свежие сельди? если же нет,

*У податливых крестьянок
(Чем и славится Валдай)
К чаю накупи баранок
И скорее поезжай.*

На каждой станции советую из коляски выбрасывать пустую бутылку; таким образом, ты будешь иметь от скуки какое-нибудь занятие».

Ничего не скажешь, веселые советы давал Александр Сергеевич своим друзьям. Не оттого ли любили они его до беспамятства? Что касается нас, то с податливостью «валдайских крестьянок» мы уже, кажется, познакомились, а что до вина... На трассе столько постов ГАИ, что и трезвому проехать непросто.

У Яжелбиц история богатая. Тут много чего свершилось, начиная с самого названия. Вроде бы ехал по этой дороге во главе новгородского войска князь Александр Ярославич Невский. Ехал на битву с другим

русским князем, здесь уже не помнят каким. И вроде бы он, едучи на своем коне, постоянно молчал, а если что и говорил, то такое, что и летописцы предпочитали не записывать, дабы не портить репутацию благоверному. Видимо, настроение у князя было препаршивое. И было

отчего: ни про уху, ни про баранки, ни о податливых крестьянках Александр Ярославич не знал, а такого простоватого дружка, какой был у Соболевского, у него не было. Князь ехал и молчал, но руки чесались, и потому, добравшись до этих мест, он вдруг остановился и громко – так, чтобы и летописцы услышали, – произнес: **«Я желаю биться!»** Сказал он это громко, но очень быстро, так что паузы между словами почти стерлись – сначала валдайским эхом, а затем и народной молвой, коей свойственны упрощения. В итоге получилось: **«Яжелбицы! Яжелбицы! Яжелбицы!...»**

Эта же самая народная молва утверждает, что, проехав чуть дальше в сторону Валдая (откуда мы как раз сейчас едем), Александр Ярославич будто бы взошел на гору, остановился и вновь замолчал в раздумии, стал как бы нем. Отсюда пошло название и горы, и деревни – Немчинова гора.*

А еще через некоторое время князь (пойми его) вообще передумал биться и, чуть дальше, в соседней деревне, заключил мир. С тех пор деревня носит название Миронегги.

Так внутренние противоречия легендарного князя отразились в противоречивых названиях близлежащих деревень.

Конечно, это предания, и насколько они отражают действительность, никто не знает. Возможно, в их основе лежат более древние события, о которых и Александр Невский знал как о «преданиях старины глубокой». Известно, что на месте села существовали древние поселения, и даже сохранились захоронения того времени – курганы, которые наши предки насыпали над могилами погибших воинов и вождей. И один из таких курганов, причем нераскопанный, находится прямо перед окнами сельской администрации, напоминая нынешним яжелбицким начальникам о преемственности власти, а заодно о ее брэнности.

* Проезжая через Немчинову гору, я так и не понял, живут ли здесь люди: обветшалые серые дома пусты, окна и двери забиты фанерой, заколочены доской. Все заброшено, пустынно, вокруг никого, все молчит, как когда-то молчал здесь Александр.

Примерно пять веков назад на территории Яжелбиц происходили значительные события, решавшие судьбу Новгородской феодальной республики. Само село особой роли не играло, но волей обстоятельств и благодаря своему расположению стало их свидетелем. Вот как описывает это С.М.Соловьев:

«...И вот, управившись с князем можайским и татарами, Василий в 1456 году выступил в поход против Новгорода за его неисправление. В Волоке собрались к нему все князья и воеводы со множеством войска; из Новгорода также явился туда посадник с челобитьем, чтоб великий князь пожаловал – на Новгород не шел и гнев свой отложил. Но Василий не принял челобитья и продолжал поход, отправивши наперед на Русу двоих воевод, князя Ивана Васильевича Оболенского-Стригу и Федора Басенка, а сам остановился в Яжелбицах». (Сочинения. В 18 кн. Кн. II. Т. 3-4. История России с древнейших времен. С. 414.)

Посланные великим князем Василием Васильевичем воеводы одержали победу, и в Яжелбицах был заключен договор, который фактически положил конец независимости Новгородской республики. В этом договоре, в частности, обуславливалось: «1) вечевым грамотам не быть; 2) печати быть князей великих». (То есть московских.)

А еще через пятнадцать лет в этом же селе Иван III узнал об исходе решающей битвы между Москвой и Новгородом, произошедшей у реки Шелони 14 июля 1471 года. В Яжелбицах великий князь принимал новгородских послов с челобитными.

В XV веке была установлена почтовая связь – ямская гоньба. Были созданы станции – ямы, в том числе и ям Яжелбицкий, который стал играть важную роль после основания Петром Первым новой столицы Российского государства. Яжелбицы оказались на пути между двумя крупнейшими центрами империи. В царствование Екатерины Второй, неоднократно следовавшей через село, здесь были построены гостиницы и почтовый двор.

В 1790 году, в осеннюю холодную погоду, через Яжелбицы в «гнусной нагольной шубе», взятой у какого-то солдата, под «крепчайшею стражею» был провезен Александр Николаевич Радищев, направленный по этапу в десятилетнюю ссылку. За то самое свое

«Путешествие», которое и нас, спустя два века, подвигло на присутствие в этом селе. Впрочем, Александра Николаевича провезли по всей дороге: от Петербурга до Москвы и дальше, почти до самого Байкала, в Илимск – всего 6788 верст!

О чем он думал, невольный путешественник, проезжая близкие сердцу города, села и деревни: Чудово, Подберезье, Едрово, Хотилово, Вышний Волочек, Медное, Городню?... Вспомнил ли Анюту из Едрова? Увидал ли девичий хоровод в Медном? Услыхал ли пение слепого старика в Клину? Каким он был в этом своем не книжном, а реальном и трагичном «путешествии»?

Сам же Радищев и ответил:

*Ты хочешь знать: кто я? что я? куда я еду? –
Я тот же, что и был и буду весь мой век:
Не скот, не дерево, не раб, но человек!
Дорогу проложить, где не бывало следу,
Для борзых смельчаков и в прозе и в стихах,
Чувствительным сердцам и истине я в страх
В острог Илимский еду.*

Ну а пока, мы – в Яжелбицах. Вольные! И нам, кажется, ничего не грозит. Напомним, что в этой главе Радищев повествует о страшной сцене на местном кладбище, где отец, раскаивающийся в страшном своём грехе, терзался у гроба сына, «вещая к предстоящим»:

«Почто вы меня его лишили, почто меня с ним не погребли живого и не скончали моей скорби и раскаяния? Ведайте, ведайте, что я есмь убийца возлюбленного сына моего, его же мертва предали земле. Не дивитесь сему. Я не прекратил жизни его ни мечом, ни отравою. Нет, я более сего сделал. Я смерть его уготовил до рождения его, дав жизнь ему отравленную. Я есмь убийца, каковых много, но есмь убийца лютейший других. Убийца сына моего до рождения его...»

Иначе говоря, будущий отец еще при зачатии заразил будущего ребенка (сына) венерической (смердной) болезнью, смертельной по тем временам. Радищев вскрывает эти пороки, бросает обвинения правительству и фактически выступает за легализацию проституции:

«...Оно <правительство>, дозволяя распутство мздоимное, отверзает не токмо путь ко многим порокам, но отравляет жизнь граждан. Публичные женщины находят защитников и в некоторых государствах состоят под покровительством начальства. Если бы, говорят некоторые, запрещено было наемное удовлетворение любовных страсти, то бы нередко были чувствуемы сильные в обществе потрясения. Увозы, насилия, убийства нередко бы источник свои имели в любовной страсти. Могли бы они потрясти и самые основания обществ».

Отметим, что дискуссии на этот счет не затихают, а сам Александр Николаевич, если бы и не оказался сегодня закованным в кандалы, то понят был бы далеко не всеми.

Современные Яжелбицы, как и почти все остальные деревни и села, находящиеся на пути из Москвы в Санкт-Петербург, разделены трассой. Старая часть села, где до сих пор стоят развалины старинных екатерининских построек, находится слева внизу, а современная, с несколькими хрущевками, типовым Домом культуры, зданием сельской администрации и магазином, – справа, повыше. В этой части села

жители выглядят вполне по-городскому. На остановке я увидел не привычную толпу, а спокойную очередь, поджидавшую автобус.

Почти все вышеизложенные исторические справки я переписал из обычной школьной тетрадки, где аккуратным ученическим почерком добросовестно изложена история Яжелбиц: от древних курганов до наших дней. А самую драгоценную тетрадку мне подарила Татьяна Васильевна – местный библиотекарь. С нею, а также с директором Дома культуры Николаем Александровичем я и провел свою первую беседу в Яжелбицах.

Из разговора с ними я узнал, что основным и едва ли не единственным крупным производством в современной истории Яжелбиц являлась птицефабрика. Это значит, что почти все жители делились: на еще не работавших на птицефабрике (по молодости), работающих на ней в настоящее время и на уже отработавших и уволенных на пенсию. Примечательно, что приезжали и благополучно работали здесь люди из разных республик и городов Советского Союза. Поэтому сформировался этакий полугородской житель. Отсюда соответствующий культурный уровень Яжелбиц, штрих которого – цивилизная очередь на автобусной остановке.

Обо всем мы упоминаем в прошедшем времени, потому что сейчас работа этого крупного и некогда рентабельного производства, располагавшего сотнями тысяч птиц и обслуживавшегося

шестьюстами работниками, сведена практически к нулю. Это связывают с политикой правительства, которое отечественным курам предпочло пресловутые «ножки Буша». Был в Яжелбицах, помимо птицефабрики, еще и

птицесовхоз, участь которого такая же, но он еще вроде бы живет за счет крупного рогатого скота. Хотя и он сокращается день ото дня. В итоге в селе началась безработица, и люди вынуждены перебиваться случайными заработками, то есть заниматься тем же, чем занимаются сейчас большинство населения нашей страны. Отличает Яжелбицы то, что пенсионеры, а их в селе большинство, получая пенсии, находятся, как здесь считают, в положении более стабильном и выгодном, чем поколение среднее, существование которого вообще ничем не обеспечено. Что касается перспектив, то они, судя по рассказам жителей, совсем не радужные. Народ окончательно обнищает. Развалятся уже совсем предприятия, и безработица будет повсеместная. Купить технику и заняться земледелием вряд ли кто сможет: не по карману, да и не умеет этим серьезно никто заниматься. Словом, село ждут серьезные потрясения. Мне даже, к слову, рассказали загадочную историю деревни Киты, которая находилась здесь неподалеку. Якобы во времена коллективизации жители этой деревни не захотели вступить в колхоз, дружно сожгли все свои дома и разошлись кто куда. Осталось лишь урочище с разрушенными фундаментами от изб. Даже откуда название такое морское взялось – Киты – никто не знает.

Естественно, что на таком фоне жизнь не может быть иной, чем унылой и скучной. Ее вряд ли могут скрасить заезжие гастролеры, дающие иногда концерты в Доме культуры. Может, поэтому здесь с особой любовью относятся к местному вокально-инструментальному ансамблю. Так вот, душой и вокалистом этого ансамбля являлась (впрочем, является и сейчас) учительница музыки из средней школы – Елена Викторовна. Ансамбль так и называют – «Элен и ребята», в честь известного французского телесериала, о существовании которого я, большой любитель и знаток Франции, впервые узнал от Наташи из Едрово. Этот ансамбль, репетировавший и выступавший на подмостках местного ДК, видимо, продвинулся настолько далеко, что о нем заговорили в районе, и кто знает, что его ожидало дальше, если бы ансамбль и, главным образом, его солистку не заметил сам глава Администрации района. А мы с вами помним по предыдущей главе, что и само слово «Администрация» на Валдае пишется с заглавной буквы.

Итак, глава Администрации, видимо, побывал на концерте ансамбля, и не на одном, с карандашом и блокнотом. Оценив форму и внимательно вслушавшись в содержание, он решил, что первое значительно опережает второе (или наоборот). Во всяком случае валдайский начальник не нашел ничего лучшего, чем предложить Елене Викторовне... нет, не свое начальническое сердце, и даже не новый комплект аппаратуры для ансамбля, он предложил ей... стать главой Администрации Яжелбиц!

Своя рука – владыка. И вот уже валдайский глава сам приехал в Яжелбицы, пригласил на встречу с собой учительницу и уже не предлагал, не уговаривал, а просто сказал громко, как некогда князь Александр: «Я желаю...» Поскольку сказал он это в закрытом помещении, то эха не было, и потому до Елены быстро дошел истинный смысл сказанного. Она заартачилась, заупрямилась, мол, хочу остаться простой учительницей, женщиной и певицей, а кроме того, нет опыта хозяйственной деятельности, к тому же – дети, школа... Все даже были упомянуты Бетховен с Моцартом, и еще, кажется, Брукнер... Но все тщетно. Валдайский администратор, нахмутив брови, сказал: «А кто вам, Елена, мешает остаться женщиной? Посмотрите, сколько женщин вокруг этим занимаются!» (То есть работают главами сельских Администраций.) А далее, видимо, была произнесена тирада о несоответствии формы содержанию (или наоборот): «Мы, Елена, – наверное, говорил глава, – принадлежим к той категории людей, которые не останавливаются на достигнутом. Нам всякий раз становится тесно в уже освоенном пространстве. Нам нужны новые формы для самореализации. У вас энергия бьет ключом, хочет вырваться наружу, а возможности у ансамбля узкие – все-таки не Роллинг Стоунз, – и вы уже не можете реализовать себя лишь песнями и игрой на аккордеоне. Вам, Елена Викторовна, – убеждал главный валдайский Администратор, – нужна власть. Сначала небольшая, в масштабе села, а потом... потом – посмотрим, демократия ведь всем открывает дорогу».

Такая тирада не оставила бы равнодушным кого угодно, тем более трепетную душу сельской учительницы музыки, и потому она в конце концов сдалась, как сдалось здесь когда-то великому князю

московскому побежденное им новгородское войско. С тех пор в Яжелбицах новая глава администрации – Елена Викторовна, и, когда мы встретились, её правлению шла уже четвертая неделя.

– Я закончила Ленинградский институт культуры, – начала свой рассказ Елена, – и проработала учителем музыки в местной школе одиннадцать лет. Но так получилось, что после Моцарта и Бетховена, после всего высокого, красивого и духовного, я оказалась на самом дне нашей жизни и теперь занимаюсь ремонтом колодцев, канализаций, котельной, дровами, мусором и тому подобным. Душа моя пока эту работу не воспринимает. Но, поскольку я уже здесь оказалась, придется привыкать. Мои занятия в ансамбле – это радостная отдушина. Ребята восприняли мое назначение как трагедию. Они, да и я сама, считаем, что женщина должна быть прежде всего женщиной, а не административным монстром.

– И вы действительно не боитесь, что вас испортит кресло? – спросил я.

– Постараюсь, чтобы не испортило. У меня даже нет кресла. Видите, простой стул. А кабинет? Здесь даже мне одной трудно повернуться. Хотя я уже работаю четвертую неделю и чувствую, как меня засасывает. Семьи у меня пока нет, я одинокий человек...

– О! Тогда вам проще работать. Но еще проще превратиться в того самого монстра. А что касается кресла, кабинета и прочей чепухи... Особенный кабинет вступающему на первую ступень иерархии не нужен. Хочется живой работы с людьми и, как говорится, «решать проблемы». Но чем успешнее вы их будете решать, тем больше надежд возбудите в людях, тем чаще к вам станут обращаться и тем настойчивее будут просьбы. Вы – одна, а народу в Яжелбицах вон сколько! Значит, должны быть условия для их приёма, ведь это работа сугубо индивидуальная. Толпу не примешь. Значит, нужен более-менее просторный кабинет и нужна приемная. Она необходима начальнику так же, как фойе театру. Прием надо организовать так, чтобы соблюдалась очередь, чтобы не возобладала сила и наглость. В театре есть билетёр, а у начальника должен быть секретарь и, кстати, дополнительный телефон и кресло. Сидеть целый день на жестком – врачи не рекомендуют. Ведь не от хорошей жизни эти самые кресла у

начальников появились... А отношение людей к вам изменилось? – спросил я Елену Викторовну.

– Естественно. Я почувствовала совсем другие взгляды... Знаете, еще что... Глава Администрации района достаточно молодой, и потому, когда вдруг назначают на должность молодую женщину, то это вызывает всякие слухи и домыслы... Дескать, это неспроста. Кроме того, мне пытаются доказать, что руководитель обязательно должен быть резким, сильным, наглым, должен быть бойцом, только тогда можно чего-то добиться на этой работе. А я по натуре не боец...

Вообще, Елена считает, что женщина и власть несовместимы, поэтому политикой она особо не интересуется.

– Если смотреть телевизор и читать газеты, то жить не захочется на этом белом свете. А так, живешь потихонечку в своем мире... В деревне нашей стреляют еще редко, и потом, чтобы убирать бумажки на улице, ремонтировать канализацию и водопровод, – интересоваться политикой вовсе не обязательно.

Самое главное в ее работе, считает Елена, общаться с людьми, объединять их вокруг себя, зажигать. Люди сейчас в таком тяжелом состоянии: работы нет, зарплаты нет, сплошные бытовые проблемы. Но, по словам Елены, у многих сейчас возродились надежды в связи с её назначением.

– Но вы представляете, – говорю я Елене Викторовне, – что нет ничего горшего, чем неоправданные надежды?

– Поэтому мы стараемся не обещать ничего такого, чего выполнить не сможем. Мы пока лишь фиксируем, чего люди хотят. Я сама из этого села, и мои родители тоже отсюда, поэтому мы всех знаем, и кто из себя что представляет – тоже.

– Елена Викторовна, а вас не смущает, что вы учились другому ремеслу, очень далекому от того, чем занимаетесь сейчас? Вы же знаете, что непрофессионализм – наш самый большой бич. Вас не мучит этот вопрос? – мне было интересно, что она ответит.

– Вопросов у меня к себе много. Действительно, чтобы здесь работать надо многое знать, и я была бы рада, если бы меня отправили куда-нибудь на учебу. Пока я сама ковыряюсь в каких-то законах, кодексах, но времени на это не хватает... (Здесь наш разговор на минуту

прервал звонок.) ...Как только меня назначили на эту должность, один человек сказал: «Уж лучше бы вы пели. Потому что есть категории шутов и королей. До сих пор, говорил он, вы были в роли шута, развлекали и веселили людей. Теперь – перешли в категорию королей, и вам предстоит решать проблемы, над которыми вы до сих пор, так или иначе, смеялись. А это несовместимые вещи». До этого никаких сомнений не было, и я считала, что буду заниматься песнями и от этого авторитет руководителя не пострадает. Но эти слова меня озадачили, и я стала советоваться с людьми: что делать?.. (Еще один звонок прервал наш разговор.) ...Людей это пока не смущает.

– Но, представьте, если у вас не будут идти дела, а вы им будете в это время петь?

– Мы настроены на то, чтобы работа у нас получалась...

Здесь я вынужден был остановиться и сменить тему, потому что невольно взял на себя функцию судьи и моралиста, что недопустимо в данном случае вообще.

– Но вернемся к музыке. Как с нею обстоят сейчас дела? – перевел я разговор в удобное для Елены Викторовны русло, и она с облегчением в него устремилась.

– Раньше я музыку в основном слушала в школе, на уроках. Ходила всегда эмоционально заряженная. Я работала по программе Кабалевского, и предмет назывался не пением, а уроком музыки. И мне такая программа очень нравится. Главное – эмоционально подготовить учеников. Эта программа основана на чувствах, через нее «красной нитью» проходят слова Сухомлинского: *«Музыкальное воспитание – это не воспитание музыканта, а воспитание человека»*. Этого принципа я и придерживаюсь. Пусть плохо споют, но главное, пусть они услышат музыку. Там, конечно, очень слабая материально-техническая база: магнитофон – ровесник революции, и нет денег, чтобы купить современную аппаратуру для компакт-дисков...

– Но теперь, как руководитель, вы сможете оказать поддержку музыкальному развитию детей, помочь новому учителю музыки.

– Не сочтите это за отсутствие скромности, – продолжала Елена Викторовна, – но у меня работа получалась. Был контакт с детьми, взаимопонимание. И до меня были учителя, но подолгу не

задерживались. Это очень трудно: тридцать учеников орут, скачут. Первый год особенно. Но потом стало получаться, и я проработала целых одиннадцать лет. Дети расстроены и говорят мне: «Мы подождем, пока вас выгонят, тогда вернетесь обратно»...

Вдруг, Елена стала очень грустной, немного помолчала и сказала:
– Знаете, какая сейчас в школе проблема? Там теперь нет учителя музыки. Некому помогать...

Вновь раздался телефонный звонок, и Елена Викторовна, простившись со мной, погрузилась в хозяйственную работу.

Когда я вышел из здания администрации, мне навстречу шла библиотекарь Татьяна Васильевна. Она принесла тетрадку с яжелбицкой историей и черно-белые фотографии села. Кроме этого, на прощание, она назвала несколько цифр:

В 1987 г. в местную библиотеку поступило 1737 книг.

В 1991 г. – 1486 книг.

В 1995 г. – 269 книг.

В 1996 г., на ноябрь, – 47 книг.

Не напоминают ли эти, далекие от вашей жизни, сухие цифры совсем другие данные, приведенные сотрудницами вышневолоцкого ЗАГСа? Нет ли между ними какой-то зримой связи? И так ли уж они далеки от нас?

Оставим Яжелбицы вместе с заданными здесь вопросами. Да и ответы стоит ли брать с собою? Они у нас вечные, ходящие по кругу: от крохотных Яжелбиц до Москвы. Кто желает с ними биться?!